

"Не волнуйся, Хагрид. Перед отъездом я поставлю вокруг дома такие чары, что ни один волшебник, желающий зла юному Гарри, не сможет его найти". Альбус похлопал полувеликана по руке: "Тебе пора идти, Хагрид, ты больше ничего не можешь сделать здесь сегодня".

"Да, пожалуй, я пойду и верну Сириусу велосипед. Ужасно мило, что он позволил мне одолжить его, чтобы привезти Арри к вам". Хагрид повернулся, сел на волшебный летающий мотоцикл и уехал.

"Это мило, Альбус, но ты же не собираешься оставить его в таком виде?" спросила МакГонагалл, указывая на малыша Гарри, который спал в корзинке на крыльце дома Дурслей на Тисовой улице, дом 4.

Альбус жестом указал на выключатель рядом с входной дверью: "Свет все еще горит, Минерва, так что они должны хотя бы выйти, чтобы выключить его. Если они уже выразили неприязнь к магическому миру, то я не вижу причин вторгаться в их дом в столь поздний час. Когда они лягут спать сегодня ночью, им придется сначала выйти и выключить свет, тогда они его и найдут. А пока я наложу согревающие чары". Минерва нахмурилась: если они не любят магию, то, возможно, и Гарри не захочет вторгаться в их дом, но в конце концов кивнула, увидев, как Альбус накладывает чары. Затем она повернулась и с треском исчезла.

Значит, Петуния Эванс (как там ее звали в замужестве? Дигби?) не любит магию? Альбус улыбнулся: если они и так не любят магию, то, скорее всего, будут возмущены тем, что волшебник вторгся в их покой из чистого принципа. Альбус знал, насколько сильными могут быть предрассудки. Чистокровные семьи часто прятали или, в крайнем случае, изгоняли детей Сквивов только за отсутствие магии, но и обратное тоже было верно; маг, порвавший связь с сестрой во время войны, точно не примет напоминание о ней в своем доме. Альбус решил пойти на один-три шага дальше, чем обещал Минерве и Хагриду, и сделать так, чтобы ни одна часть магического мира никогда не нашла Гарри Поттера или семью Дерли до тех пор, пока Гарри не воссоединится с ними чуть менее чем через десять лет. Достаточно времени для того, чтобы сговорчивая семья Дурслей сделала его податливым и ищущим побега.

Альбус Дамблдор усмехался, возвращая один за другим свет, украденный им с фонарей на Тисовой улице. Затем, в качестве последнего акта мелкой злобы, он облил фонарь на крыльце своим делюминатором и с треском аппарировал прочь.

o0-0oo0-0oo0-0oo0-0oo0-0o

Вернон Дурсли редко и никогда не опаздывал: ему нравилось жить по расписанию, спасибо большое. Но события прошлой ночи заставили и его, и его жену заснуть беспокойным, слегка пьяным сном, а когда он наконец проснулся, у него от бренди разболелась голова. Он уже подумывал о том, чтобы взять больничный на утро, лишь бы избежать выговора.

Через полчаса Вернон уже собирался выйти за дверь, когда увидел то, чего не мог ожидать даже после потрясений прошлой ночи. На крыльце дома сидел спящий ребенок в корзинке и держал в руках конверт, похоже, из какого-то старого пергамента. Он повертел головой в

поисках того, кто из ужасных родителей стал бы так разыгрывать своего ребенка; никого не увидев, он присмотрелся к малышу повнимательнее.

Неужели? О Боже, конечно, они бы так поступили, уроды! Нет, даже если вы уроды, вы не можете быть настолько чокнутыми, чтобы оставить малыша на улице в чертовом ноябре!

Вернон без труда узнал стоящего перед ним черноволосого малыша на одной из тех трогательных фотографий, которые Петунья достала оттуда, где она спрятала их на чердаке, рядом с какой-то станцией для варки волшебных зелий, которую он почему-то никогда не видел. Она сказала, что все свои вещи он хранил в гараже, поэтому от него было легко скрыться.

Шрам в виде молнии на голове мальчика, может, и новый, но это был безошибочно его племянник Гарри Поттер. "Вот дерьмо!" пробормотал Вернон, затем более громким голосом, но все еще слишком низким, чтобы его могли услышать соседи: "Петунья, приготовь теплую ванну, эти уроды оставили твоего племянника на нашем чертовом пороге! Мальчик наверняка замерзнет, здесь есть только одеяло!" Пока он говорил, он схватил корзину и отнес ее в дом.

По крайней мере, это оправдание даст мне больше свободы действий у Ганнинга, чем похмелье, смиренно подумал Вернон.

Час спустя: приняв теплую ванну, накормив детей любимым пудингом Дадли и уложив обоих детей на короткий сон, двое старших Дурслей изо всех сил пытались сохранить самообладание, читая записку директора Альбуса Дамблдора с объяснением обстоятельств смерти Гарри.

"Никакого исполняемого завещания? Он что, думает, что я чертовски глуп? Я знаю, что у нее было завещание! Ее муж происходил из старого состояния, так что я знаю, что у него тоже должно было быть завещание! Если крестный отец, друг Поттера Нечто-другое-Блэк, не мог забрать его, он должен был отправиться на воспитание к своей крестной матери, некой "Долгопупс", с которой Лили дружила в школе и которая родила мальчика на той же неделе. Кажется, ее зовут Элис. Она сказала мне об этом в последний раз, когда мы разговаривали, когда извинялась за то, что не может выбрать меня крестной из-за войны. И причина даже не изменилась: по его словам, Пожиратели смерти все еще будут на свободе, по крайней мере, какое-то время". Петунья зарыдала, ее голос все еще был слаб от рыданий накануне вечером.

"И, не хочу показаться грубой, но у нас уже есть свой мальчик! Как же мы будем заботиться о двоих, не имея никакой поддержки от его родителей? Наверняка должно быть какое-то наследство!" Вернон сразу же понял свою ошибку, когда Петунья на него зашипела. Она так красива, когда в ней горит огонь, подумал он про себя, говоря: "Любовь, если мы хотим оставить мальчика..."

Она фыркнула: "Если да".

"Тогда это может помочь. Этот дурак Дамблдор прав, что мальчик не должен расти в атмосфере поклонения героям. У него будет большая голова. И ты видел, какая жуткая статья

была о Гарри, если они все такие, то он..." Вернон рассеянно развел руками: "Я даже представить себе не могу, что такое воспитание может сделать с одним из них. Но нормальный мальчик, выросший таким образом, будет бесполезным бездельником, как и должна была быть твоя сестра". Он поднял руки, защищаясь, когда Петуния подняла свой пустой бокал и посмотрела на него: "Так, Пет, успокойся. Я понимаю, почему ты так о них отозвалась. Этот Поттер в новостях говорил как спецназовец, и я понимаю, что в таких ситуациях нужны прикрытия!

Но ты должна понимать, что я имею в виду, - продолжал он, - если бы мы воспитали его иначе, нам бы пришлось иметь дело со всеми этими фри-волшебниками, которые шастают вокруг. В их газете ему уже дали чертовое прозвище, словно он какая-то знаменитость! И это в возрасте одного года! В этом случае мужчина пообещал, что "никакие магические личности не будут иметь с вами никаких контактов, пока ребенок не будет готов вернуться к нам". Это звучит так, что я могу это оценить. Если мы будем его растить".

Глаза Петунии расширились от шока: "Вернон, если он такой безумец, каким кажется, отправляя Гарри на всю ночь, то он, вероятно, недостаточно умен, чтобы понять, что я все еще взаимодействую с магическим миром". Она вздохнула, увидев пустой взгляд мужа: "О, дорогой, я получила магическую газету вчера вечером. А еще я отправила сюда ингредиенты для зелий и конвертировала обычные фунты в их деньги по почте, чтобы заплатить за них! Если никто в магическом мире не сможет нас найти, то, когда мне понадобятся новые ингредиенты, нам придется ехать в сам Лондон! Кроме того, если это так, то мне нужно будет уехать в ближайшие пару дней, Дадли нужна ещё мазь для прорезывания зубов. Гарри тоже".

Вернон не мог понять, насколько тесно его дом общается с магическим миром без его ведома, а Петуния сделала несколько успокаивающих вдохов, глядя на спящих Дадли и Гарри: "Мне не нравится, что он пытается представить ситуацию Гарри так, будто в ней виноваты Джеймс и Лили. Это так неправильно и неуместно, что я думаю, будто он хотел, чтобы мы обиделись на них или что-то в этом роде, так как наша история прикрытия с их стороны заключалась в том, что мы поссорились. Что ты думаешь, Вернон?"